

Оглавление

Часть I

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	50
Глава 6	63
Глава 7	76
Глава 8	87
Глава 9	92
Глава 10	105
Глава 11	114

Часть II

Глава 12	127
Глава 13	136
Глава 14	143
Глава 15	149
Глава 16	161
Глава 17	172
Глава 18	180
Глава 19	190
Глава 20	199
Глава 21	206
Глава 22	217
Глава 23	234
Глава 24	245

Часть III

Глава 25	257
Глава 26	267
Глава 27	280
Глава 28	285
Глава 29	297
Глава 30	309
Глава 31	317
Глава 32	322
Глава 33	329
Глава 34	342
Глава 35	355
Глава 36	371
Глава 37	384
Глава 38	392
Глава 39	402
Благодарности	410

Глава 1

Ночь укутала небо темным покрывалом, набросив на землю невесомый полог теней. Для смертных настало время отдыха, а вот мы на луне только-только приступили к работе. Белоснежный язычок пламени облизывал щепку в моей руке. Присев, я смахнула листок с фонаря, сделанного из пластин прозрачной слюды и перекрученных серебряных полос. Когда же поднесла щепку к фитилю, тот зашипел и вспыхнул. Я встала и отряхнула подол. Передо мной тянулись ряды незажженных сфер, молочно-белых, как распустившиеся цветы османтуса. То были лунные фонари, целая тысяча, чтобы хватило озарить простирающиеся внизу земли. Пламя не боялось ни дождя, ни ветра и затухало лишь с первым дуновением зари.

Всякий раз мама убеждала меня выполнять эту задачу вручную, но я не обладала ее терпением, да и отвыкла от столь мирной и неспешной работы. Сосредоточившись, я обратилась к источнику своей энергии: сияющему потоку магии, что проистекал от ядра моей жизненной силы. Яркие всполохи сорвались с ладоней и разлетелись к фонарям, оставляя за собой мерцающий след. Лучше всех мне покорялась стихия воздуха, но огонь тоже порой оказывался очень кстати. Земля переливалась, точно кто-то посыпал

ее звездной пылью. Смертные, наверное, сейчас любовались ночным светилом, которое отчасти скрыло от них свой лик.

Впрочем, мало кто посвящал стихотворения или пытался запечатлеть на картине первую или последнюю четверть: она не могла похвастать изяществом серпа или совершенством круга. Соединяя в себе свет и тьму, такая Луна будто бы терялась между ними. Я ощущала с ней некое родство — дитя смертного и богини, выросшее в тени своих знаменитых родителей.

Иногда я уносилась мыслями в прошлое и ощущала укол сожалений. Интересно, как сложилась бы моя жизнь, останься я в Небесной империи? Я бы снискала славу, собирая подвиги, точно жемчужины для ожерелья? Стала бы героиней легенд сама, как мой отважный отец Хоу И или обожаемая мама, богиня Луны?

Смертные чтили ее во время ежегодного праздника Середины осени, дня воссоединения, хотя это был день, когда моя мать вознеслась на Небеса. Одни молились ей о счастье, другие — о любви. Увы, они понятия не имели, что силы моей матери ограничены, возможно из-за отсутствия тренировок или отголосков ее человечности — последней мама лишилась, когда выпила эликсир бессмертия, подаренный моему отцу за убийство солнечных птиц. Когда она улетела на Небеса, родители разлучились, будто клинок смерти разрубил их судьбы. По сути, так и произошло, ибо тело моего отца покоилось теперь в могиле. Боль пронзила мою грудь. Я никогда не знала папу, просто представляла его как некую абстрактную фигуру, а вот мама оплакивала его каждый день своего бессмертного существования. Может, поэтому ее не смущала монотонность работы: рутина убаюкивала терзаемый сожалениями разум, утешала израненное горем сердце.

Нет, я не мечтала о славе и почестях, как не просили о них и мои родители. Известность часто ходит рука об руку со страданием, упоение от побед сплетается с тяготами их достижения, и порой ради цели приходится обагрить себя кровью. Я присоединилась к Небесной армии не затем,

чтобы преследовать мечты, столь же мимолетные, как вспышки фейерверков, после которых тьма кажется еще непрогляднее. Я бы умерила столь несущественные порывы, стряхнула подобные желания. А вот вернуться домой, к маме и Пин'эр, обрести истинную любовь... именно это стремление сделало меня цельной. Вот какую мечту я лелеяла, за что боролась и чего достигла.

Пусть многие сочли бы мой дом чем-то незначительным по сравнению с величием и роскошью Нефритового дворца, но для меня не было места прекраснее. Здесь земля мерцала, точно волны, в которых отражаются звезды, цветы османтуса на ветках походили на снежные шапки. Порой я просыпалась в своей кровати из коричневого дерева и гадала: уж не снится ли мне все это? Но напоенный сладостью воздух и мягкий свет фонарей убеждали: нет, я дома, и никто больше его у меня не отнимет.

Подул легкий ветерок, и наверху что-то звякнуло — гроздь семян лавра, они сверкали точно льдинки. В детстве я мечтала сделать из них браслет для мамы, но так и не смогла сорвать. Вот и теперь по привычке ухватила полупрозрачное холодное зернышко, с силой потянула — но, как бы ни качалась ветка, оно упрямо сидело на месте.

Внезапно я ощутила появление другого бессмертного, хотя защитные чары никак не отреагировали, и на всякий случай потянулась за луком. Год на луне прошел тихо, мои жизненные силы восстанавливались куда быстрее всяческих ожиданий. Теперь я уже без труда натягивала тетиву лука Нефритового дракона и более не боялась незваных гостей. Впрочем, я почти сразу опустила оружие. Эту ауру — яркую, сияющую — я знала не хуже собственной.

— А ты умеешь встречать гостей, Син'бинь, — раздался насмешливый голос Ливея. — Или просто снова хочешь посоревноваться?

Я обернулась. Принц стоял, прислонившись к дереву и сложив руки на груди. Сердце забилося чаще, но голос мой не дрогнул:

— Если помнишь, наш последний спор я выиграла. Да и с тех пор только и делала, что тренировалась, пока вы, Ваше Высочество, прохлаждались при дворе.

Да, он не заглядывал уже несколько недель. Хотя разве имела я право ожидать большего? Пусть в последнее время мы и сблизились, но все же не давали друг другу никаких обещаний. Вроде как вышли за рамки дружбы, но и к прежним отношениям не вернулись. А уж если семена сомнений пустили корни в душе, то избавиться от них непросто.

Уголки губ принца приподнялись в улыбке.

— Вообще-то счет равный. Я еще могу победить.

— Попробуй, — вздернула я подбородок.

Ливей рассмеялся и покачал головой.

— Предпочту не рисковать своей гордостью.

Он подошел ко мне и остановился, а край его лазурно-синего одеяния с тихим шелестом задел мое. Талию принца перехватывал серый шелковый пояс, с которого свисали продолговатая нефритовая табличка и хрустальная сфера, отливающая серебром моей энергии. Кисть Небесной капли. Ее близнец качался на моем поясе.

Мне захотелось отступить — и в то же время шагнуть навстречу.

— Я не почувствовала твоего прихода. Ты как-то подправил чары?

Ливей запросто смог бы изменить защиту на моем доме, раз уж сам помогал мне ее возводить. Конечно, она не могла сравниться с чарами, окружающими Небесную империю, но стоило кому-то пересечь границу — и это сразу становилось известно. Друзей я не боялась, а вот чужаков вполне стоило опасаться.

Принц кивнул.

— Теперь, если они сработают, я тоже это почувствую. Но есть и побочный эффект: чары больше не реагируют на меня.

— Какая разница? Ты ведь сюда и не заглядываешь, — выпалила я, не в силах сдержаться.

Улыбка Ливей стала шире.

— Ты скучала по мне?

— Нет.

На самом деле — да, но нечего ему льстить. Я даже под угрозой смерти не признаюсь, какую зияющую дыру в моей душе вызвало его отсутствие и что лишь теперь она начала затягиваться.

— Так мне уйти? — уточнил Ливей.

Ах, как же хотелось гордо отвернуться, но с тем же успехом я могла ударить себя под дых.

— Почему ты не пришел раньше? — задала я вместо ответа самый важный для себя вопрос.

Принц мгновенно растерял все веселье.

— При дворе беспокойно: назначили нового генерала, который разделит командование армией с генералом Цзяньюнем. В последнее время мой отец ему не благоволит.

Я ощутила угрызения совести. Неужели Их Небесные Величества затаили обиду на генерала Цзяньюня? Именно он заступился за меня год назад, когда я боролась за свободу матери. Да, правители щедро награждали слуг за усердие, но и мстили изощренно.

— И кто же этот новый генерал?

— Министр У, — мрачно ответил принц.

Я содрогнулась, стоило вспомнить придворного, который так яростно выступал против нас. Добейся он своего, император в тот же день заковал бы маму в кандалы, а меня приговорил бы к смерти. Но откуда такая ненависть? Неужто я неволью чем-то оскорбила вельможу? Или он всерьез верил, что мы несем угрозу правителю, которому У так беззаветно предан?

Как бы там ни было, мне стало не по себе, что этот человек теперь обладает таким весом в Небесной Армии.

— Даже и не знала, что министр лелеет подобные амбиции. А он вообще подходит на эту должность?

— Мало кто откажется от столь высокого назначения, неважно, обладает он нужными знаниями или нет, — ответил

Ливей. — Я остался, чтобы оказать поддержку генералу Цзяньюню и постараться переубедить отца, но он непреклонен. Хотя министр У — верный слуга императора, я всегда чувствовал себя рядом с ним неловко, еще даже до того, как он выступил против тебя.

— Не затуманенный чувствами взор иной раз способен проникнуть в сердца людей, — заметила я, но тут же вспомнила предательство Вэньчжи. Как могла я выдавать подобные нравоучения, если сама глушила голос разума и видела лишь то, что хотела видеть?

Что-то забилося на грани сознания, точно беззвучный рокот барабана: кто-то прошел сквозь зачарованную границу. Я ощутила вспышки незнакомой энергии и напрыглась. Ливей сощурился: он тоже почувствовал чужаков, заявившихся ко мне домой.

С тех пор как мамину ссылку отменили, к нам зачастили разные бессмертные. Мы получили помилование императора, но, увы, заодно стали мишенью для любопытных взглядов и едких замечаний. Гости воспринимали меня как диковинку, выставленную напоказ ради их забавы.

— И каково это было, когда тебя поразило Небесным огнем? — с придыханием спросил один придворный.

— Чудо, что ты выжила, — заметил другой, буквально сияя от предвкушения.

— Как твои шрамы? Всё еще болят? Поговаривают, такие остаются навсегда, — сообщил третий излишне громким голосом.

Наигранная забота. Злорадное сочувствие. Фальшивое сострадание. Такие же пустые, как марионетки уличных артистов в мире смертных. Заметь я хоть крупицу искренних переживаний, не стала бы так обижаться. Но интерес гостей к моей персоне был продиктован лишь жаждой получить новую пищу для сплетен. Ах как зудели пальцы — вот бы натянуть лук, призвать молнию да прогнать досужих зевак прочь из нашего дома! Конечно, я не стала бы стрелять заправду, там бы и одной угрозы хватило. Но строгий

мамин взгляд и привитые с детства манеры вынуждали прилежно сидеть в кресле и соблюдать правила приличий.

Уж лучше терпеть их праздное любопытство, чем нажать кучу врагов.

Раздался треск, будто что-то разбилось о камень. Подхватив подол, я побежала к дворику Чистого света. Каждый раз, как моя нога касалась земли, взметая клубы пыли, лук Нефритового дракона бил меня по спине. Ливей следовал за мной по пятам.

Впереди возникли сияющие стены, затем перламутровые колонны. Я остановилась у входа, разглядывая разлетевшиеся по полу осколки фарфора, залитые лужицей бледно-золотой жидкости. В воздухе витал сладкий и мягкий аромат, успокаивающий и томный. То было вино, хотя мы его здесь не держали.

Мы с Ливеем прошли по коридору, ведущему в зал Серебряной гармонии, где принимали посетителей. Нефритовые лампы отбрасывали свой мягкий свет на незнакомцев, что расположились на деревянных стульях вокруг моей матери. Когда я вошла, гости повернулись в мою сторону и поднялись.

Мама направилась к нам, и нефритовые кисточки на ее ярко-красном поясе звякнули.

— Ливей, мы давно тебя не видели, — тепло сказала она, опустив его титул, как сам принц давно ее уговаривал.

— Простите за долгое отсутствие. — Он вежливо склонил голову.

Приветствуя наших гостей, я по очереди их изучала. Ауры несильные — значит, любую проблему можно будет легко разрешить. Вроде бы никаких зловещих вспышек металла или отголосков сокрытой магии. Рядом с моей матерью стоял худощавый бессмертный. Глаза у него были цвета воробьиных перьев, а волосы и борода отливали серебром. Бамбуковая флейта с зеленой кисточкой свисала с его талии. Рядом с ним стояли две женщины в сиреневых одеждах и с бирюзовыми заколками в волосах. Руки,

которые они подняли в приветствии, были гладкими и безупречными, они никогда не держали оружия и не работали ни дня в своей жизни. Я вздохнула с облегчением, пока не увидела последнего гостя: жесткие черты лица казались высеченными из дерева, а шея была перевита мускулами. Под красивой парчовой мантией скрывались широкие плечи, но пальцы беспокойно дергались.

Я ощутила смутное беспокойство, но спрятала его за улыбкой.

— Мама, кто наши гости?

— Мейна и Мейнинг — сестры из Золотой пустыни. Они хотят остаться на несколько недель, чтобы понаблюдать за звездами. — Она указала на пожилого бессмертного. — Мастер Ганг — опытный музыкант, пришел в поисках вдохновения для своей последней композиции. А это... — Мама замолчала, наморщив лоб и глядя на молодого человека. — Боюсь, нас прервали прежде, чем я успела узнать ваше имя.

Он поклонился нам, протягивая сложенные руки.

— Для меня большая честь оказаться в вашем обществе. Меня зовут Хаоран, я винодел из империи Феникс. Моя покровительница, императрица Фэнцзинь, заказала новое вино, для которого мне нужен лучший османтус. Говорят, в вашем лесу растут самые красивые цветы, и я смиренно прошу вашего разрешения собрать несколько штук. Я был бы бесконечно благодарен за вашу безграничную щедрость, которая славится во всем королевстве.

Меня внутренне передернуло от настолько подобострастной лести и от того, как его глаза метались по комнате. Что-то в госте заставило меня нервничать, словно сбившийся с ритма мотив, и не только потому, что он пришел из империи Феникс, ближайшего союзника Небесной империи и дома бывшей невесты Ливея. Отказ уже готов был сорваться с кончика языка, ужасно хотелось отослать гостя прочь. Не только Хаорана, всех их. Мы здесь жили

в безопасности, после того как с таким трудом отвоевали наш мир.

Словно почувяв мое недовольство, Хаоран повернулся к маме:

— Я задержусь лишь на пару дней. И принес скромный дар, несколько сосудов своего лучшего вина, хоть и, к несчастью, уронил один снаружи, — признался он с фальшивым раскаянием.

— Мастер Хаоран, вы очень любезны, но никаких даров не надо, — благосклонно ответила мать. — Мы рады всем вам. Надеюсь, вы простите нас за безыскусное жилье: мы не привыкли к роскоши.

Винодел снова поклонился:

— Благодарю вас.

Остальные тоже выразили признательность и последовали за мамой. В зале остались лишь мы с Ливеем. Я опустилась в кресло и прижала кулак к губам, принц устроился рядом.

— Что думаешь о мастере Хаоране? — спросила я.

— Что не прочь лично оценить его дары.

Сейчас мне было не до шуток.

— Возможно, я ищу черную кошку в темной комнате. Слишком привыкла остерегаться.

Посерьезневший Ливей подался ко мне:

— Верь своим инстинктам. Я им верю. Приглядывай за вашими гостями. Если что-то пойдет не так — сразу шли весточку.

Он выразительно глянул на мою кисть Небесной капли. Тут же нахлынули воспоминания: темная пещера, издевательский смех, кончик меча принца, впивающийся в горло... Тогда мы едва не потеряли друг друга.

Я смотрела ему вслед, пока не стих звук удаляющихся шагов. Впервые под крышей моего дома будут жить посторонние. Я постаралась прогнать воспоминание, когда именно чувствовала себя так последний раз: еще будучи ребенком, пряталась от Небесной императрицы и жалась к колонне, оцепенев от страха.